

Глава XIX. ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Через несколько дней после взятия Бастилии Конституционный комитет Национального Собрания поставил на обсуждение Декларацию прав человека и гражданина. Мысль о таком торжественном заявлении (декларации), внушенная знаменитой Декларацией независимости Соединенных Штатов, была очень удачна. Так как во Франции происходила революция, и в отношениях различных общественных слоев должны были в силу этого произойти глубокие изменения, то следовало, прежде чем эти изменения найдут себе выражение в пунктах какой бы то ни было конституции, установить их общие начала. Народ мог видеть, таким образом, как понимает революцию революционное меньшинство и во имя каких новых начал оно призывает к борьбе.

Такая декларация не была бы простым набором красивых слов. Она должна была выразить общий взгляд на то будущее, которое революция стремится завоевать, и этот взгляд, высказанный в форме заявления прав, сделанного целым народом, должен был получить значение торжественной народной клятвы. Выраженные в немногих словах начала, которые предполагалось провести в жизнь, должны были вдохнуть бодрость во французский народ и показать всему миру, куда он идет. Миром управляют идеи гораздо больше, чем это думают, а великие идеи, выраженные в решительной форме, всегда имели влияние на умы. Молодые североамериканские республики издали подобную декларацию, когда свергли английское иго, и с тех пор Декларация независимости Соединенных Штатов сделалась хартией, почти что десятью заповедями молодой североамериканской нации*.

*«Когда течение человеческих событий, — говорилось в Декларации независимости Соединенных Штатов, — ставит какой-нибудь народ в необходимость порвать политические узы, соединявшие его с другим народом, и занять в ряду земных держав то отдельное и равноправное место, на которое дают ему право законы божеские и природы, то уважение к мнению человечества требует от этого народа, чтобы он изложил миру побуждения, вынуждающие его к такому отделению.

Мы считаем следующие истины бесспорными и очевидными сами по себе: что все люди созданы равными; что они получили от создателя некоторые неотчуждаемые права; что среди этих прав следует поставить на первое место жизнь, свободу и искание счастья; что для обеспечения себе возможности пользоваться этими правами люди создали в своей среде правительство, справедливая власть которых основывается на согласии управляемых: что всякий раз, когда какая-нибудь форма правления оказывается губительной для тех целей, ради которых она была создана, народ имеет право изменить или упразднить ее и создать новое управление, обосновав его на таких началах и придав власти такую форму, которые он найдет наиболее обеспечивающими безопасность и счастье». (Декларация, принятая в

Филадельфии 4 июля 1776 г.). Эта декларация, правда, не отвечала коммунистическим стремлениям, высказанным тогда же многими группами граждан Северной Америки; но она точно выражала их взгляд на ту политическую форму, которую они хотели создать, и помогла вдохнуть в американских революционеров гордый, независимый дух.

Вот почему, как только Собрание избрало (9 июля) комитет для подготовительной работы по выработке конституции, возникла мысль о составлении Декларации прав человека, и сейчас же после 14 июля представители принялись за дело. Декларация независимости Соединенных Штатов, сделавшаяся знаменитой с 1776г. как лозунг демократии, как выражение ее стремлений, была принята за образец*. К несчастью, у этой декларации были заимствованы и ее недостатки. Следуя примеру основателей американской конституции, собравшихся на конгресс в Филадельфии, французское Национальное собрание тоже исключило из своего заявления все, что касалось экономических отношений между гражданами, и ограничилось провозглашением равенства всех перед законом, конституционных свобод личности и права нации выбирать себе желательное ей правительство. Что же касается собственности, то Декларация поспешила заявить о ее «ненарушимом и священном» характере и прибавила, что «никто не может быть лишен собственности иначе, как в том случае, если того потребует законом признанная общественная необходимость, и при условии справедливого предварительного вознаграждения». Это было прямым отрицанием права крестьян на землю и на революционную отмену даже повинностей крепостного происхождения.

*Об этом, как видно из работы Жюльена Гильюма (Guillaume J. La Declaration des droits de l'homme et du citoyen. Paris, 1900, с. 9), был упомянут самим председателем Конституционного комитета. Чтобы убедиться в этом, достаточно, впрочем, сравнить тексты, французских проектов и американских деклараций, приведенные в книге Гильюма.

Буржуазия таким образом провозглашала свою либеральную программу: юридическое равенство перед законом и правительство, подчиненное народу, существующее только по его воле. И как все так называемые «программы-минимум» (перечисления наименьших требований), она оказалась программой-максимум, т. е. наибольших требований. Она означала, что, по мнению Собрания, дальше этого народу идти не следует, что он не должен касаться прав собственности, хотя они и установлены были крепостным строем и королевским деспотизмом, которые подлежали уничтожению.

Очень вероятно, что во время прений при составлении Декларации прав человека были высказаны и идеи социального характера, идеи равенства. Но они, очевидно, были отвергнуты. Мы не находим по крайней мере никаких следов их в Декларации 1789 г.*Даже мысль Сиейеса, что «если люди не равны в средствах, т. е. по богатству, по уму, по силе и т. д., то из этого не следует, что они не равны в правах»**, — даже эта скромная мысль не нашла себе выражения в Декларации, выработанной Собранием. Вместо этих слов Сиейеса мы находим следующую формулировку первого пункта Декларации: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Социальные различия не могут быть основаны ни на чем ином, кроме общей пользы». Это предполагает существование социальных различий, установленных законом ради общей пользы, и посредством этого неправильного предположения открывается доступ всем видам неравенства.

*В Америке, в некоторых штатах, народ потребовал провозглашения общего права нации на всю землю; но эта идея, предосудительная с буржуазной точки зрения, не была введена в Декларацию независимости/

*Пункт 16-й проекта Сиейеса. См.: Guillaume J. Op. cit., p. 30.

Когда мы перечитываем теперь Декларацию прав человека и гражданина, составленную в 1789 г., мы естественно задаем себе вопрос: имела ли вообще эта Декларация то влияние на умы, какое ей приписывают историки? Нет сомнения, что некоторые пункты Декларации оказали такое влияние. Так, пункт 1-й провозглашал равенство в правах всех людей; в пункте 6-м говорилось, что закон должен быть «одинаков для всех» и что «все граждане имеют право участвовать, лично или через своих представителей, в его создании»; пункт 10-й гласил, что «никто не должен быть преследуем за убеждения, даже религиозные, лишь бы проявление их не нарушало установленного законом общественного порядка», и, наконец, пункт 12-й заявлял, что общественная власть «учреждена на пользу всем, а не для личной пользы тех, кому она поручена». Нет никакого сомнения, что эти заявления в обществе, где еще существовали различные формы феодальной зависимости и где королевская фамилия смотрела на Францию как на свою вотчину, должны были произвести целую революцию в умах.

Но также несомненно и то, что Декларация 1789 г. никогда не имела бы того влияния, какое она приобрела впоследствии, в течение всего XIX в., если бы революция остановилась на этом заявлении буржуазного либерализма. К счастью, революция пошла дальше. И когда два года спустя, в сентябре 1791 г., Национальное собрание выработало текст конституции, оно присоединило к первой Декларации прав человека род Вступления в конституцию, заключавшего уже следующие слова: «Национальное собрание... безвозвратно отменяет учреждения, оскорблявшие свободу и равенство в правах». И дальше: «Не существует больше ни дворянства, ни пэрства*, ни наследственных отличий, ни сословных отличий, ни феодального строя, ни вотчинного суда, никаких титулов, наций и преимуществ, из них вытекавших: никаких рыцарских орденов, никаких корпораций или орденов, для которых требовались бы доказательства дворянского происхождения и которые предполагали бы те или другие прирожденные различия; никакого другого высшего положения, кроме положения чиновников при исполнении их обязанностей. Не существует больше ни цехов, ни старшин, ни корпораций в профессиях и искусствах или ремеслах (в этом последнем сказывается уже буржуазный идеал всемогущего государства). Закон не признает больше ни религиозных обетов, ни других обязательств, противных естественным правам и Конституции!»

*Пэры были нечто вроде русских бояр XVI в., род младших родственников короля.

Если мы вспомним, что этот вызов был брошен Европе, еще всецело погруженной в тьму всемогущей монархической власти и феодальных привилегий, мы поймем, почему Декларация прав человека, которую вообще не отделяли от Вступления в Конституцию, увлекала народы во время войны республики, а впоследствии, в течение всего XIX в., служила лозунгом прогрессивного движения во всех европейских странах. Но не нужно забывать одного: в этом Вступлении вовсе не выражаются желания всего Собрания, ни даже желания вообще буржуазии 1789 г. Признать права народа и порвать с феодализмом

заставила буржуазию продолжающаяся народная революция, и мы скоро увидим, ценой каких жертв были достигнуты эти уступки.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 26 апреля 2025 18:30:56

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 26 апреля 2025 18:31:13